

...ведь он носил мундир и был солдат.

Г.Х. Андерсен,
«Стойкий оловянный солдатик»

I

-Д

уй к себе живо: мокруха в зоне, — передо мною предстал разъяренный прапор Псарев из дежурного наряда по колонии. — У тебя прямо в отряде Кожаного загасили! А я пока за медиком слетаю!

И служивый взял курс к жилым баракам возле стрельбища, что рядом с питомником для сторожевых собак, — в сторону места проживания поселкового эскулапа: почем зря деревянные мостки под каблуками забрякали. Только что своими хромачами едва дверь моего жилища на раз-два не вынес, ходуном ходила. Но если человеку после ночного дежурства удалось всего часа четыре от силы подушку придавить — разом было и не сообразить, что с обратной стороны блажил, надрывался от собственного крика лагерный дежурный.

Дальше я в два счета прыгнул в форменное обмундирование и по таким же тесово-хлябающим мосткам без оглядки надал ходу к самой зоне, отделенной от поселка сотрудииков высоченным забором с каленой колючкой по всему периметру и часовыми на вышках, с утра любо-дорого подсвеченными летне-наступающим днем.

За громадными железными воротами на десятки верст окружена со всех сторон непроходимыми лесами, сокрыта ото всего мира колония — четко разграфленная, ограниченная и, вернее верно, неподступно охраняемая.

Сразу от зеленых караульных ворот — обшарпанно-синяя дежурка для наряда сотрудников. Этот линиялый утлый домик — вахта дежурного по колонии — с неизменным постоянством производит удручающее впечатление на любого всяк сюда входящего. Внутри все подряд покрашено такой темно-зеленой краской, что она кажется даже черной, придавая еще большую мутность помещению. День и ночь — сутки прочь — вверху под железной сеткой меркнет — тускло светит — разбухшая, шахтерского вида лампочка.

В дежурке первая комната с переборкой занята контролером из конвойной роты; во второй, через порог — сам дежурный с расколотым телефоном на кособоком неказистом столе; а последняя — с громоздким топчаном и ржаво-облезшим сейфом — настезь распахнута, глаза бы не глядели.

Дежурный, исполински большого вида мрачный хохол Коля Рева, пожинаящий лавры в отгадывании кроссвордов не по смыслу, а лишь по неприхотливому опыту заполнения пустых клеток, даже не чичкался — от порога и кивнул мне на жилзону: мол, шуруй к себе в отряд, на месте разберешься. Сами с контролерами и носа из дежурки не высунут: знамо дело, своя рубашка ближе к телу.

Без лишних разговоров я вышагнул на плац, высланный, как и вся зона, сплошь досками, и наладился что по полу в направлении «запретки» — к дальнему, будто бы нерушимая стена, забору с караульной вышкой на углу.

Кругом все как обычно: по сторонам плаца — большие стенды с неизменными изречениями воспитательного характера, на каждом шагу по паре на брата. Но больше всего их расположено возле бревенчатых барачков-отрядов — места временной прописки тех, кому поперек горла стала своя волюшка, белый свет. В центре зоны — медчасть: сразу с улицы от плаца — вход для сотрудников, и еще один, с задней стороны, — для осужденных.

Сюда я и вернулся вскоре из полуторасотенного отряда подопечных, над которыми после случившегося в могильной тишине еще с утра из одного барачного края в другой тихий ангел пролетел. Через процедуру прошел с завхозом медчасти комнатой для приема больных и в малюсеньком стационаре, выкрашенном известкой, на подстеленной клеенке увидел своего бывшего осужденного Серегу Кожевникова — Кожаного. Лежит, здоровенный, прямо на полу — ноги, что кегли, блестят босые, по сторонам раскиданы. С левой стороны горла — дырчато-кровавый разрыв от заточки с секиристо-зубчатым крючком: одним махом все наизнанку выдрало.

Не жилось человеку, как всем, в своей отрядной секции — панцирная «шконка» с фиолетово-байковым одеялом и тумбочкой у окна, лучшего места не придумать. В этом последнем земном приюте Сереги Кожевникова — вся стенка от второго яруса до потолка была в идеально-точечном красном круге: после удара заточкой артериальной кровью приговоренного даже голову спящего соседа с ближней койки окинуло. А алая тряпка, что рядом валялась, была обычным вафельным полотенцем, которым сидельцы пытались заткнуть рану, пока Кожаный хрипел: «Меня Витька Трошин убил!»

Но его последние слова уже не были услышаны прибывшим медиком, позаглазно величаемым Борей-Тошнотиком за вечную присказку, применяемую ни к селу ни к городу: «Будем лечить или пускай живет?»

В скором времени в поселковом штабе сотрудников, возле которого их малолетнее потомство обычно играет в бесконвойников, грозным хозяином колонии Любопытновым было дано распоряжение, от которого и захочешь, да не отвертись. Как начальнику отряда, где совершилось преступление, мне надлежало за старшего со специальной командой немедленно отбыть водным путем в райцентр для погребения безвременно усопшего Сергея Кожевника.

О таковых, отошедших от мира сего, надобно телеграфировать родственникам в течение суток, но об этом даже и пикнуть не заикайся. Начальство не свой брат: много говорить не станет, за ушко да на солнышко. Недолго и самому одним росчерком пера загреметь под фанфары, не успеешь оглянуться. Поэтому, во избежание неутешительной перспективы оказаться на законном месте своих наголо стриженных подопечных, приказы власть предержащих, понятное дело, подчиненными не обсуждаются, а исполняются.

В походном порядке ко мне прикрепили того же медика Борю-Тошнотика, а еще режимники выделили «двоих из ларца»: пару схожих друг с другом осужденных в одинаковых робах, вооруженных новыми лопатами на длинных ручках. В сопровождении немногословного прапора Пушистого из конвойной роты, о котором местные ценительницы мужского внимания шептались, что у него выше пояса — очевидное, а ниже — невероятное, вся компания через узкоколейную дорогу ходко подтянулась к дебаркадеру, соседствующему с местом моего обитания.

Здесь к каждому дому проложена узкоколейка. Поселок с несколько зловещим названием Курдюг стоял на таежно-болотистом топком месте, поэтому кругом подсыпали опилками с пилорамы и везде были построены мостки. По узкоколейным путям, проложенным через всю территорию, мотовозами подвозили дрова жителям и материалы к строящимся домам. Тутушный грунт не выдерживал ни трактора, ни грузовика.

Повсюду дощатые настилы для хозяйственных нужд, такие же тротуары вдоль и поперек, некоторые даже на сваях — дощатое царство. У домов сарайки с дровами прямо в лес глядят, а вокруг, что на картинке, ягодник — коль охота, трескай себе на здоровье. Или собирай белые грибы, каких хоть косой коси.

С другой стороны — речка, где уже пришвартовалось, так сказать, неповторимое для всех времен и народов плавсредство — наш вечно незаменимый «Курдюг». Название судна в житье-бытье также было произносимо с ударением на первом слоге, как и у самого поселка, находящегося на слиянии Курдюжки с ее притоком Копсаркой.

Бывало, идешь за водой зимним вечером к проруби, в памяти встает гоголевская «Диканька» — большое сходство: такое же безмолвие, капустный хруст морозного снега под валенками, серебристо-зальделая прорубь и луна золотой царской чеканки — светло, как днем. А в летне-нынешнюю пору источником утоления жажды служила общая колонка, содержащая омертвело-недвижимую, ржавую жидкость, именуемую водой.

У иных здесь живущих, что послабже, случалось даже — от этого изнутри разрывало, а других, покрепче, так порой наружно перекраивало, что приезжающие сюда навестить не сразу после разлуки и признавали своих родных и близких. Вдобавок — повышенная влажность, что способ-

на была запросто помутить любой рассудок, а еще комары, каких свет не знал: молодцы-удальцы, лютые дельцы, поселковые шутили: «Второй мотовоз на нижнем складе доедают».

У моего дома была еще одна особенность: летом он незаметно оседал на болоте, а зимой так же неприметно и неравномерно поднимался. Тогда замочная скважина уже не соответствовала прорези в косяке, и замок на законных основаниях бездействовал. Так и приходилось ходить на службу, не запирая жилье, но поселок относился к категории закрытых режимных учреждений, поэтому посторонних людей и воровства не наблюдалось.

Между тем «двое из ларца» по качкому трапу старательно затащили домовину с Кожаным на борт «Курдюга» и укрепили на носу, у мачты с приспущенным триколором. Сюда же конвойный Пушистый в форменном обмундировании и с оружием на поясе деловито пристегнул наручниками безмолвного Витьку Трошина, бледного, щупленько-ушастого обидчика усопшего, пожалуй, не понимающего ныне ничего из происходящего.

За кормой катера взревел двигатель, гулко вбросив наружу водный колпак кофейного цвета, и мы отчалили от малолюдного по ранешнему времени дебаркадера. «Курдюг» на малых оборотах шел меж низких торфяных берегов речки, полностью огибающей поселок, строения которого что на красочном лубке панорамно проплыли за спиной, и судно вошло в горловину другой невзрачной речушки, на берегу которой размещался нижний склад. Волны от катера следом нехотя растворялись в береговой ржавой жиже...

II

Вся рабочая зона нижнего склада, в обиходе попросту именуемая лесопилкой, окружена пятирядной стеной из колючей проволоки с караульными вышками по периметру. Мнится, что гигантски-невзъемные штабеля бревен с первозданными очертаниями подъемных кранов взаправду вздыбились не только над худосочными деревьями, но и заполонили саму округу сверху донизу. Внутри же выделялось двухстойловое локомотивное депо, самое высокое здание лесопилки. С обеих сторон от тепловозных стоек — цеха для ремонта подвижного состава. Вокруг самого депо — множество наспех изготовленных складских каморок и прочих сооружений, между которыми все узкоколейные, а также иные пути вплотную проторены крепкими деревянными мостовыми.

Вселенско-неумолчный визг лесопилорамы сливается с гусеничным лязгом да ревом трелевочных тракторов, с непривычки уши закладывает. И куда ни кинь взгляд — всюду деловито кипит жизнь: копошится работающий люд, безостановочно сует туда-сюда, а за охраняемыми снаружи прочными, на запорах, воротами то и дело басовитыми гудками переключаются тепловозы.

Но только «Курдюг», миновав водно-пропускную преграду, направился к нижнему складу, как работа за один прием и прекратилась. Весь берег, заливаемый сияющим, солнечно-лимонным светом и накрепко пропахший смолой и свежеспиленным лесом, скоро был в сгрудившихся людях, одетых в черную униформу с нашивками на нагрудном кармане.

Молчаливо и пристально они глядели на идущий мимо катер с прерывисто, взмахав клеткотавшим двигателем, пока он следом не отвернул в сторону Белого озера, оставив на буях знаки с перечеркнутым якорем,

означающими, что в этих краях запрещено кому бы ни было пребывать без особого на то разрешения.

Понятно, что ничего подобного не могло здесь стать, скажем, в те давностные времена, когда в оной приболотной пустыни находился Курдюжский Николаевский монастырь, который через некое время был закрыт, а вослед, тоже уже в далекие шестидесятые девятнадцатого века, как раз в данных местах и обосновался лесопильный завод, расположенный на ковжинском берегу. Кто ведает, примерил бы сегодняшний криминальный электорат свою вину на злодеяние человека, появившегося на свет на той самой лесопилке в день отмены крепостного права? Потому как спустя девятнадцать лет, в самое Прощеное воскресенье, уроженец лесопильного завода поселка Курдюг народоволец Николай Рысаков первым из террористов метнул в Петербурге бомбу в Императора Всероссийского Александра, прозванного в народе Освободителем, надолго изменив этим и без того донельзя запутанную историю развития страны.

Тем временем прозрачным, зеркально-озерным стеклом предстал взору просторный фарватер канала, оставив за собой призрачную зону камышей и плавучих торфов, заодно миновав целиком и полностью гиблые места — чахлые болотца и по самую макушку, вглухую затопленный лес...

А у меня из памяти никак не выходило увиденное: лица людей в черной амуниции, прощавшихся с Серегой Кожевниковым на складском берегу под небесно-лимонным живым солнцепеком, — ведь они никоим образом не осуждали ушастого убийцу своего сотоварища!..

Может, потому, что беречь честь смолоду в местах не столь отдаленных по определению читится всегда особенно: это как дважды два четыре, вернее смерти. И без вины виноватый Витька Трошин, обидчик усопшего, всего лишь защищал свою честь — кому надо и не надо знали об этом с самого начала заварушки, но помалкивали, не накликав неприятностей на свою шею.

Теперь — куда ни кинь, везде клин, то же самое повсюду творится: где сила, там и закон, мудрено кем-то сотворено. И ото всего этого уже никуда не деться: что на воле, что по-за волей — все равно одна песня, хоть тресни. В местах же заточения кому как не режимной службе и следует держать нос по ветру, потому как о лицах, состоящих на особом учете, они обычно имеют информацию вплоть до разговорно-расхожей в обиходе, как то: статья, срок и размер сапог. Но тут и на старуху вышла проруха, прозевали служивые: до последнего тянули kota за хвост, надеясь, что эти «терки» — подобные дела — разрешаются, как обычно, сами собой, без особых последствий.

Кто на зоне слыхом не слыхал, как беспредельщик Серега Кожаный, кого старались на всякий случай без дела обходить, через день да каждый день кошмарил Витьку Трошина? В голову бы не пришло кому-либо запросто предъявить лишь за то, что кто-то своим умом, особняком живет, из-за этого уже и на свет не глядеть? Если у человека еще натура такая, в чужие дела не терпит соваться. А в узилище принято семейничать, где несколько человек одним кулаком держатся, — в случае чего друг за друга встанут. От века до века таким макарот в застенках и решаются поставленные ребром вопросы, чтобы просто выжить. Да вовсе не последнее дело, скажем, в том же ларьке сообща «от пуза» отовариться, иначе и жизнь будет не в жизнь. Следом еще кайф словить, — обязательно чифирнуть, куда без этого: в настоящем чифире, трижды поднимаемым до пены, даже лезвие растворяется. Не говоря уже о чем-то серьезном, если дове-

даться: в тех же самых разборках-наездках косяки легче разгуливать. Да мало ли всякого может случиться — все до поры до времени, раз на раз не приходится.

А Витька Трошин оказался не таковского пошиба: хоть и в одинаковом месте, да из другого теста. Как принято у подчиненных говорить, один на льдине. Без помощников на своих двоих укрепился. Даже мастером в жилзоне стал, где открылся цех по изготовлению различных сувениров из дерева — последний писк моды. Рыночная экономика, каждый выживает как может. Да и колония тоже сложа руки не сидела и в связи с полойной «оптимизацией» общества на доброго дядю уже не надеялась. Как и прежде, осужденных возили в лес на заготовку древесины, а также на нижнем складе делались плоты, изо дня в день грузились баржи лесом, и даже наладилось производство заказных дачных домиков.

Не сравнить уж было нашу «восьмерку» с соседним «пятакком», что на острове Огненном, местом съемок прославленной «Калины красной» — не тот коленкор. Не вчера ли всем миром на эту шукшинскую силу сильную не могли глазами наглядеться? Хотя расстояние между колониями всего лишь с несколько десятков верст, да и те не объездом, а в том же направлении, только все одно наши рылом не вышли, и давным-давно государева мошна вся без нас изошла. Легендарному же «Вологодскому пятаку» или подобного рода «Черному дельфину», о каких спокон веку песни напевают да сказки сказывают, и не выпускаемым из виду на самих федеральных верхах — все было не стыдно со своим многомиллионным ежемесячным бюджетом и приходы по расходу держать да в завтрашнем дне на себя не оглядываться.

А в здешних канувших в небытие местах, где то пусто, а то негусто, жизнь как таковая круглый год была ключом на особицу — но жаль, что иногда, выражаясь фигурально, разводным, да все по голове. Какая вожжа тогда попала под хвост Сереге Кожаному, что он за здорово живешь единолично потребовал от Трошина с каждой полочки отстегивать ему свои кровно заработанные «тити-мити»? За одно лишь то, что у Витьки не было своих кентов-корешей? Да за такое «подмолаживание» получить законный от ворот поворот, а в получении — распишитесь! Вот бы и успокоиться, кому следует: ведь каков был привет, таков получили и ответ.

А Кожаному того больше нейдет: как баран в новые ворота уперся, даже «счетчик» человеку включил. Если не будет вовремя заплачено требуемое, жить обреченному вскоре доведется у бачка с водой на входе в отрядную жилсекцию, передвигаться лишь замыкающим в самом хвосте строя, а есть ложкой с просверленной дыркой.

В отличие от прошлых времен теперь в этом подлунном мире подобное именуется кратким определением — «зафаршмачить», а сам приговоренный, соответственно, становится «фаршмаком». Процесс превращения несчастной жертвы в безропотное-животное состояние, короче говоря, в «обиженника», ныне видоизменился, но все равно уже не бывать калине малиной, и плетью обуха не перешибешь. Просто-напросто на одном из обычных построений как черт из табакерки выскакивал голымы «фаршмак» и прямым выплескивал из кружки с дыркой «чапавку» собственной переработки в лицо будущему «коллеге». Конечно, с них, пожизненно заклеянных, а за это действие поимевших банку кофе да блок сигарет, и взятки гладки: отхватят свои законные суток пяток изолятора от лица администрации — не нами буде она судима, обо всем

ведущая, по порой не брезгующая подобными мерами поддержки нужного порядка.

Только уже и человека нет! — отныне и навсегда вместо него этот самый обиженный, податливо-бессловесное существо, обреченное на презренное животное соприсутствие, исполняет самую грязную работу, начиная с трудотерапии по очистке отхожих мест, — рви на себе волосы!

А бонусом еще заполучает проживание на газетах под нарами во время этапов да позорно-поздравительный батон в международный женский день — поневоле захочешь по-волчьи. Какова тогда была вина вечного детдомовца Витьки Трошина, что он решил силы найти — сам на себя плеть не свил, зная, какая неминуемая беда нависла над головой?..

Теперь оную начисто бритую головушку склонил бедолага направо сторонущку под всеохватно-открытым небесным простором — вовсю парня палило. И, прикованный к мачте с приспущенным стягом, прикорнул он рядом с домовиной Кожаного, неподвижно застыв на носу «Курдюга», охотно рассекающего водную дорожку с золотистым, празднично играющим светом.

— Не положено! — вскричал заполошно от борта прапор Пушистый, увидев, как я пытаюсь напоить водой из пластиковой бутылки Витьку Трошина, слабо приоткрывшего глаза и непонимающе озирающегося вокруг. — Уставом запрещено, не положено!

— А если на это «не положено» у нас свое наложено, — вполне миролюбиво и на правах старшего покладисто остепенил я конвойного охранника, и тот, недовольно покачав головой, вернулся на корму, где они с Борей-Тошнотиком резались в карты. С другой стороны бодрствовали «двое из ларца» и, покуривая, безразлично смотрели куда-то в сторону убегающей за нами воды.

В капитанской рубке за штурвалом как всегда невозмутимо внимал окружающей действительности бочкообразных размеров Гриша-Полпотыч в своей неизменной фуражке с крабом, надвинутой на самые глаза. К кровавому диктатору Пол Поту, разумеется, Гриша не имел касательства, но как-то, обидевшись на весь мир, он настолько изобретательно обработал свою вторую половину ножничком поострее острого, что «самый гуманный суд» и благодетельствовал злодея сроком, после которого тот так и остался в знакомых местах на положении вольнонаемного капитана на маломерных судах.

Безветренно-зеленую тишину нарушил пронзительный крик одинокой чайки, примостившейся на торчащем из воды бревне с куском игольчато отсвечивающей колючей проволоки, словно опять предстояло обозреть безрадостно очередное место заключения. Затем показались силуэты барж: по правому борту катера уныло потянулся поселок Новокемский, скрывающийся в буйной гряде распустившихся деревьев с торчащими блеклыми крышами лишенных разнообразия строений.

III

Было видно, как возле берега несколько мужиков на лодках, упираясь в дно баграми, задумчиво смотрят вниз — нет заботы важнее. Яснее ясного, что по звуку проходят науку — хорошенько, по первое число вышаривают железяги для сдачи их вместо цветного металла. Известно, что в этих краях было несколько лесопильных заводов, которые при строи-

тельстве Волго-Балта вчистую, полностью затопили. Оставался лишь Кемский, возможно, единственный, что избежал гибели, потому как его ожидала другая участь: предприятие в наши дни сгорело из-за головотяпства кочегара.

Как и в колонии, в сих местах также в дни оны, образно говоря, все больше занимались «резьбой по дереву двуручной пилой»: до пяти тысяч человек было в поселке, жили себе люди не тужили да никому не служили. Нынче, чтобы хоть как-то выстоять, остатняя мужеская половина перебивается с хлеба на квас, пытаясь прокормить семьи и, зная, вовсе дошла до ручки, донельзя обозленная на весь белый свет...

С каких иначе щей, взыврав моторами, за нами устремилась пара лодок, откуда с весьма наглядной убедительностью потрясали баграми, а из одной моторки, как гром среди ясного неба, даже хватило в вышину ружейным выстрелом — попались мы впросак. Разглядели обо всем догадавшиеся трудоголики приспущенную катерную хоругвь — вестник несчастья, недолго было и по заслуге почет получить. Если не взбрело на ум сколько-нибудь припугнуть, коли с утра пораньше «за воротник заложили». Но наряду с аборигенами знали еще в поселке таких бывших сидельцев, которым хоть бы хны было и свою голову на плаху, а этим проще пареной репы не одного лишь страха нагнать.

Только наши тоже оказались не лыком шиты, куда твое дело. Вздобрился краснолице-готовный Пушистый, привычным движением растегнув поясную кобурку с оружием, глазами туда-сюда заводил, как бы выбирая удобную позицию для предстоящей баталии. Над его жаркой думалкой на разок вспрыгнули легким одуванчиком, как говорится, три волосинки на одну драку — остатки пушисто-волосяного оснащения.

Тем временем «двое из ларца» тоже встали наизготове — моментом, недолго думая, скинули свои лопаты на долгих ручках. Не отставая от компании, что-то заполошно блажил, размахивая руками, и Боря-Тошнотик — теперь так, да после-то как?.. Чтоб не переваливать позже с большой головы на здоровую, дал было я отмашку на ход судна Грише-Полпотычу, но тот и без советчиков оказался не промах, не в таких еще переделках побывал.

«Курдюг», бурно взревев, скоренько оставил за собой неудачников, посылающих кулачные проклятия вслед судну. И немудрено: такие плаvasредства ни много ни мало слыли в свое время самыми настоящими катерами класса «река-море» и во время войны держали оборону на Балтике и Каспии. Тогда на рубке находился зенитный пулемет, а впереди, где ныне под беспощадными лучами терял остатки сил у домовины Кожаного упершийся перед собой стылым взглядом подневольный, имелась и семидесятимиллиметровая пушечка, не слабо?..

В кои веки раз, да и то не про нас: о происшедшем затем никто и словом не заикнулся — было, да сплыло. Стояли по бортам, опершись на поручни и, не проронив ни звука, на воду смотрели, что вживую, с переливами, подобно самой жизни, до бесконечности струилась перед глазами...

Волго-Балтийский водный путь мне раньше представлялся другим, схожим с известным каналом имени Москвы под Дубной, что был знаком по книжным картинкам. На самом деле он больше походил на широкую извилистую реку с полноводными заливами, где спокойно разойдутся не два, а все три или четыре судна. В одной его части, к примеру, береговая полоса была четкой и сухой, зато следом — мокрый бурелом либо болото.

Дальше уже встречалось несколько мест, кои для отдыха лучше не придумать — сосны, могучие ели да высокий песчаный берег: дыши себе в две дырочки и в ус не дуй...

Только из каюты, что под капитанской рубкой, куда я перебрался ото всех с глаз долой, вдруг с чего-то привиделось: не туда прикачнуло. Будто водная стихия, вбулькнув прямо-таки через иллюминатор, возьмет и насильственно заполонит само каютное пространство: каково, не спавши, с устатку не сладко?

А за один скрип еще на ум пристало, что за незаметной спервозаку дверцей носового отсека было бы не грех часик-другой и ухо придавить, лежанка в отсеке как по заказу делана. Проще говоря, в себя прийти — опнуться бы походя, раздышаться в одиночку. Только там, в темени, неразворотно было даже без мундира, едва вползется на всех четырех, — зато макушкой своей о переборку удалось на славу приложиться.

Порядком загудело в голове у человека, между прочим, с двумя макушками; а еще говорят, что таким для защиты от самого рождения посылают сразу двух ангелов-хранителей! Раньше эти самые макушки даже за «божьи метки» принимали, и считалось, что подобным индивидуумам легче других вывернуться из любых передраг. Наподобие счастливица, баловень судьбы получался; издавна эта примета и старому, и малому известна.

Правда, мне, тоже двухмакушечнику, до сих пор от этого было ни холодно ни жарко. Скажем, сколь велико кому-то веселье, когда его, не говоря худого слова, наобум святых белой вороной окрестят — в зачет не пойдет. В своей же колонии и заполучил такое благословение: вор в законе, «законник» Воронцов постарался — кстати говоря, закадычный дружок скончавшегося Сереги Кожаного, одного поля ягода.

К слову, не будь тогда мы ночью с дежурным обходом в отряде, когда у этого бессменного узника давление подпрыгнуло выше некуда, едва уже дышал, — не оказалось бы это последним часом самого «законника», кто знает? Не раз и не два — то и дело у него подобное бывало, а вот прижало — дальше некуда: глаза на расплющенном, что у азиата, лице на лоб лезут. Пока дежурный наряд, не ведая, как помочь, без толку возле него шарашил, мы скоренько ноги в руки и нашли-выцепили из поселка своего «лепилу», что успел-таки вернуть коронованному «законнику» старой закалки Ворону доброе здравие. А тот надулся, да не отдулся: мрачнее тучи, еще сычом завзглядывал, никак ему за прошлогоднее сено задолжали — поневоле раздумаешься.

Заодно вдонганку, как на грех, довелось в своей одинокой комнатке глянуть — на сон грядущий перелистнуть — страницы последних земных откровений великого писателя и, между делом, попасться промеж двух огней. Допустим, буди встать на сей день вместе с нами тому же автору «Диканьки», который не видел «выше подвига, как подать руку всякому изнемогшему духом», — с какого бы тогда голоса он запел, явись на таковском месте хотя бы на минуту?..

В это время необъяснимым образом, разверзнув каютные переборки, надо мной вспыхнуло небесным светом, и оттуда в манящей воздушной лазури призрачным чудом возник многомачтовый парусник. Оказавшись на чуток рядом, он невесомой пушинкой подхватил все мое существо думное и, воспарив с крылато раздутыми парусами, затем совершенно безответственно унес меня вместе с собой куда-то ввысь...

К полудню, когда наш «Курдюг» наконец пришвартовался у набережной городского причала, тут уже от края до края ломануло — разошлась, по-настоящему грохнула жара. С самой верхотуры пылко синело атласное, всю раскаленное небо, лоснилось желтым снопом огненного светила, торчащего прямо над головой. Облупившиеся дома ярко двоились по обводной канала, напропалую отражаясь в воде, а горечь и зной струились в вышину, искажая мерцающий от марева горизонт медовыми, извилисто-тающими струями.

И помимо воли казалось, что всякий мимо проходящий по набережной как по волшебству находится в некоем уютно защищенном, небесно-золотом слитке, откуда окружающее созерцалось ровно у только что родившегося в райски-счастливым неведении божьего мира. А жгуче вспыхивающие янтарно-оранжевыми бликами водные просторы вполне впечатляюще завершали эту отчасти неправдоподобную, ослепительно-живую картину древнего края.

Не надо и семи пядей во лбу, чтоб даже со стороны было не отметить — на глазок зацепить, — что именно на набережной обводного канала, растянувшейся по всему береговому размаху, и кипела всамделишная жизнь единенного патриархального городка. А над ним грандиозным сооружением пятнадцатого века возвышался вековечно-основательный земляной вал с первоначальной высотой до тридцати метров, да еще с башнями и деревянными стенами поверху — каково с такой силой потягаться?..

Только внутри этого городища с незапамятно-нынешних времен уже обстоятельно закрепились современные жилые строения с небольшим заводиком, административные типовые постройки и, соответственно, краеведческий музей, где беспрестанно толчется неизвестно откуда возникающая туристическая братия.

Рядом неудержимо-пчелиным роем гудел на все лады разношерстный рынок, похоже, торговавший днем и ночью без перерывов, круглосуточно. И уступающий своему областному собрату разве тем, что тот едва не постоянно обновлялся очередной уймой смуглоликих торговцев. Возможно, они всего лишь порой мигрировали оттуда сюда и обратно, готовые за деньги не моргнув глазом выполнить любую работу. С одним из таких, владельцем грузовика, обожженным вовсе не северной стороной солнца, я наскоро и договорился о доставке скорбного груза к месту назначения, находящемуся за старинным военкоматским зданием.

Для этой печальной миссии у нас имелась казенная сумма, для путей надежности время от времени проверяемая мной во внутреннем кармане форменного обмундирования. Пилигрим из бывшей братской республики и не артачился, лишь гортанно озвучил мои представительские расходы, жестикулируя при этом обеими руками. Да еще на полностью застегнутый у меня в этой парилке мундир глянул с неуловимым недоумением — впрочем, мигом сменившимся привычно-цепким взглядом.

А у нас всегда так, чтоб все чин-чинарем было, как надо, без сучка и задоринки. Чтоб совсем, как у деда, — все по-честному, коль я один в один их вылитая родовая. И мне, его последышу, тоже, как и самому деду, вечно до всего на свете дело было — с детства все уши пропели. Осталась теперь дома от него, фронтовика-добровольца, сгоревшего в сталинградс-

ком адовом огне, одна лишь фотокарточка, похожая на старый горчичник, — кто из нас горя не знал?

Работодатель из некогда братской республики оказался на редкость проворным, как тот самый, что един в трех лицах: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Копаям же «из ларца» только и позволил, что перенести с «Курдюга» почившего в кузов грузовика. И, само сострадание, даже выгрузку, где надо, на себя принял. Не обращая внимания на жару и огорченно цокая, работодатель бегал вокруг машины и, закатывая глаза к небу, сам с собой разговаривал. По всему было видно, что он, главным образом, доволен удачно подвернувшейся работой.

Стало быть, мое верное сопровождение будет и далее на катерном приколе дружно довольствоваться солнечными ваннами, тем более еще в поселке все были своевременно снабжены положенным сухпайком — порядок есть порядок. У меня сразу как гора с плеч: с такими деятелями и без этого глаз да глаз нужен. А в нужный час и завершим своей командой всю похоронно-скорбную миссию, чтоб после, от греха подальше, ходом и обратно в места хоть не «столь отдаленные», но зато уже привычные.

К этому моменту для отправки в областной изолятор конвойный передал обидчика Сереги Кожаного местным правоохранителям. По-прежнему ко всему безучастного, того стремительно водворили в машину, в каковой охнешь и ты, как не будет пути, — и та, рывкнув сиреной, сразу исчезла с глаз долой. Почтице, чем в дешевом боевике; мало того, еще тормозами на всю улицу взвизгнуло.

Смутлолицый машинный владелец вправду был хозяином слова: он не только споро доставил груз по назначению, но слетал в нужное помещение, соседствующее с основным больничным комплексом, откуда появился с таким же собратом, и они по крутым ступенькам стащили домовину с усопшим в подвальную низину. Но и на этом он не остановился, самостоятельно расширив свои полномочия: вызнал у патологоанатома время выдачи тела и вызвался доставить Серегу Кожевникова к месту последнего упокоения.

Нам оставалось лишь сообщить на борт «Курдюга», чтоб медик Боря-Тошнотик вместе с обоими «из ларца» прибыл в означенное время для погребальной церемонии, а мобильно-городская связь по сравнению с колонисткой была безотказной. Дело получалось как на ладони; тогда с какой стати у человека в погонах опять не по своей воле на душе кошки скребли? Не оттого ли, может, что эта самая судьба взяла да сегодня для профилактики и погладила его против шерсти?..

А сверху так же, как и с утра, — все бельма белело перевернуто-раскаленным пространством, в известково-пылевидный порошок сушило само сущее своим чуждым всего житейского беспощадным дыханием. У набережной в асфальтовой выбоине, ранее наполненной живительной влагой, лежала крупная ворона, растопылив крылья и безвольно раскрыв клюв, — видимо, потерявшая чувствую реальность. Точно на миг знаково явленный с изобразительного полотна доселе неведомого мастера мир во вселенной замер маленьким одиноким ребенком, ошибочно очутившимся у края неведомо-гибельной пропасти. А каковы еще на свет божий объявились цветочные сполохи, что веерными зарницами с бесприветной безнадежностью заскользили с оглохшей вышины и, касаясь земной тверди, мимолетным видением исчезали за горизонтом, как до сей поры никому не известная природная аномалия?

Может, тогда и нам самим уже все это видится и кажется да против

неба на земле в непокрытой улице куражится?.. Только на повороте у набережной — не обойти и не пройти — стоит еще у тебя поперек пути женщина в черном платке, на виду поджидает: горе ее лыком подпоясало. Все живое по дороге, что напротив кинотеатра «Балтика», как поедом выело, прочь жарой смело.

Вроде бы давно ли по этой белозерской набережной в пробеге бежал шукшинский Егор-Горе из «Калины красной»: «Ноги, мои ноги», — приговаривал он, стараясь избавиться от бдительно неотстающих правоохранителей, пока в отчаянии не воскликнул: «Да сколько же вас!»

Оказалось, даже больше, чем можно представить: все было битком забито людьми на премьерном показе шедевра в этом кинотеатре, когда самим создателем картины были сказаны слова, а фактически гениально просто озвучено наше самовыживание: «Нам бы про душу не позабыть».

Взгляни-ка на меня: чтоб с места не встать, коли это неправда. Узнал я ее еще издали: мать это Сереги Кожевникова была, и к гадалке не ходи. На набережной поджидала женщина, с которой мы в первый и последний раз месяцем раньше в глаза друг другу смотрели. На свиданку из областного центра к сыну приезжала. Комната для такого дела родственникам была в двух шагах от моего жилища в бревенчатом бараке, что находился через дорогу от дома самого начальника колонии с опознавательной-белой восьмеркой на крыше. Только при помощи этой отметки и обнаруживалась при необходимости зона: кругом дикая тайга — ни подъехать, ни подойти.

«Добрые люди сказали, — шагнула мне навстречу по деревянному тротуару мать безвременно усопшего Сергея Кожевникова, и я поразился тому, как можно так глядеть, вовсе не моргая. — Добрые люди все рассказали, — все так же, не мигая, протяжно тянула женщина. — И я приехала сюда сразу с дежурства на скорой». — Голос был глухой и невнятный, пустой, как из бочки. Даже показалось, что не она сама, а кто-то другой, безнадежно больной, раздельно выговаривал слова вместо матери Кожевникова.

Не удержавшись, она прислонилась к штакетнику у причальной столовки с избравшимся на входной вывеске освежающе-минеральных напитков, непонимающе огляделась. Затем снова перевела на меня свой неморгающий взгляд — и без всяких яких видно: не просто у нее маковой росинки во рту не было, а очень давно человека мучила нетерпимая жажда.

Переделанное в шукшинской кинокартине под ресторан, сие общепитовское заведение с тех пор особо не изменилось, когда заглянувший сюда по освобождению рецидивист Егор Прокудин для первичного знакомства громогласно озвучил свое присутствие словами: «Что мы тут имеем?»

Как и тогда, квадратные столики со стульями на алюминиевых ножках вразброс были расставлены по всему помещению, разделенному стеклянной перегородкой. Даже пейзаж в тяжело-золотистом багете находился между теми же широкими белыми окнами, за которыми, лихо задрав нос, по синему каналу с ревом промчалась моторная лодка. А нам с матерью Сергея Кожевникова само и место досталось напротив этих окошек — да еще за тем столиком, где освобожденный по концу срока Егор Прокудин с погонялом «Горе» доходчиво втолковывал пронырливому официанту: «Нужен праздник!»

Наверное, киношная традиция касаясь сходного обслуживания посетителей и прижилась с того времени в столовой, где было на удивление

проходило, к тому же под потолком, хлопая лопастями, добросовестно трудился стародавний вентилятор. А между столиками худенькая пожилая женщина в махоньком фартуке привычно разносила на подносе блюда. И дед еще не на сто лет при виде своего заказа живо потер ладошками перед пластмассовой столешницей:

— Закуска-то больно добра, — хвалебно провозгласил он про свой пир на весь мир. — Гли-ко, и жевать не надо, только брови подымай! — И, мотнув кудлатой головой с крестиком на жилисто-загорелой шее, приглашающе огляделся для одобрения его жизнерадостного расположения духа.

Только наше нынче житье — ни еда, ни питье. Одной лишь водички дотронулась — потянула из стакана — обо всем непонятным образом узнавшая родительница и, не обращая ни на кого внимания, уклонила голову, смежив воспаленно-опухшие, с темными ободьями глаза: видать, забылась на время.

Другой мне она, не последнего порядка человек областной «неотложки», запомнилась в нашей единственной беседе накануне ее колониистского свидания с сыном — небо и земля. Тогда и намеком мать не возжелала знать, что давно ее отпрыск, родной дитяtko, не в ту сторону глядит; лишнее было заикаться поперек родительской души. Их дети все одно лучшие на свете: и пусть у того лопнет глаз, кто не любит нас!..

Зато это трагическое происшествие стало праздником тому, кто сидел в другом дому. Иначе в честь чего Серегина мать прилетела сюда как на крыльях: не сама же беда неожиданно-негаданно взвыла не своим голосом да и повисла над ее головой? Хотя не велик секрет Полишинеля, и ларчик отмыкается проще простого, потому что еще солнышко не взошло, когда уже кому надо наловчились вскрывать подобные шкатулочки без особых затруднений. Достаточно было — и всего-то — тому, в чьих умелых руках оказались материалы личного дела, связаться с кем необходимо по спецсвязи из отдельного кабинета и заинтересовать предложением, от которого, по понятным причинам, вряд ли отказываются. Здешние же мобильные телефоны до морковкина загovenья пребывают «вне зоны досягаемости».

А умниково звонит из коммутаторской комнаты, что в поселковом штабе сотрудников, если и было — так уж на низ сплыло. На этом дежурстве одни лишь вольнонаемные женщины, посему через часик-другой уже все бы приветствовали новоявленного миллионера курдюгского разлива. И это, почитай, как сто баб нашептали. Так что уподобляться той самой знаменитой гоголевской вдове, якобы саму себя выпоровшей, охотников не найдется, не на тех напали. Такого рода действия уже изначально чреватые нежелательной экскурсией в лишенный архитектурных излишеств дом, где неволя учит и ума дает; но обладателю данных о Кожевникове опасаться было лишне. Никто не увидит и не услышит: давно у подобных государственников с большими погонями, выражаясь по-современному, все под контролем. По итогам же нехитро-предсказуемых переговоров одним духом кому следует открывался счет на предьявителя и, равномерно, сокрушенное сердце — заинтересованное лицо — становилось обладателем необходимой информации.

Впрочем, ужели в чужом горе и всего-навсего лишь кому надо в масть подсказать, как в нужное время и в нужном месте оказаться, не святое ли дело? А коль хочу, так чего не смогу, ведь за добро, как известно, даже сам бог плательщик. Да за сию малую толику отзывчивой души оттого и по правде некое воздаяние рвавших на себе волосы, а за такие дела уж ни

с кого не полетит голова, куда понятней. В общем, кто кого сможет, тот того и гложет, не впервой. Только не для нашего ума была эта сума, и без этаких затей своими грехами сыты, хоть отбавляй. Тогда с какой радости такой приговор да сразу же мне во двор, все в толк не могу взять?..

«Верните сына, — маленько забывшегося, вернул меня на место голос матери Сергея Кожевникова. Она поднялась, шатнув столик, и, раздельно выталкивая слова, шепотом, от которого хоть кому станет не по себе, горячо упросила: — Верните моего сына!» Со стороны такое вполне походило на родительскую беседу с зарвавшимся было не в меру наследником, что, прилюдно осознав содеянное, бережно сопроводил мать под ручку на волю, подальше от посторонних глаз и ушей.

Мимо лениво пробрело несколько подростков, один из них, худосочный — три щепочки сложены да сопельки вложены — поливал себя из большой бутылки. По прямой дорожке обводного канала прострекотал игрушечной наружности буксирчик, трудолюбиво таща за собой обвязку рыжих от солнца бревен. Белыми послушными листьями падали в блестящую воду чайки и, крикливо взмывая в вышину, с белокрылой упругостью таяли в глубине спящего, прожаренно-небесного простора.

«Отдайте кровиночку», — горячечно молила женщина, спасительно уцепившись за мой мундир рукой с самоцветно сверкнувшим перстнем на указательном пальце. В другой руке была сумочка на длинном блестящем ремешке, что влеклась следом неподъемным лишним грузом. Запнувшись, Серегина мать еле не упала, но мы с поддержкой вместе устояли на своих двоих. «Верните, — раскачивала она с взбитым платком на растрепанной голове, втихомолку начиная подвывать, а потом вдруг как-то и вовсе неотступно-смертно вскрикнула: — Христом Богом молю, гражданин начальник!..»

V

«Что они делают, что они вытворяют!» — как в той кинокартине, скорее всего, не сдержался бы на это шукшинский Прокудин, окажись еще в стороне бывшего «Дома колхозника», куда мы с кожевниковской матерью отошли к скамейке в парке. Неисповедимыми путями господними на этом месте съемок «Калины красной» была недавно посажена аллея из саженцев дубов с малой родины друга Шукшина Василия Белова. А разве не памятна еще вдогон прокудинская попытка безобидной беседы с заведующей почтой — коробчатым зданием свежо-зеленой окраски, что по соседству, в трех шагах от этого парка?

И где данный человеку заодно заполучил от суровой представительницы прекрасного пола незамедлительное предписание: «Гражданин, вы тут не хамите!» — на что едва лишь освободившийся Егор Прокудин гневно возразил: «Какой я вам гражданин?» — и таково «отбрил», что не грех о той несправедливости его же словами на сегодня господне и напомнить, как заповедное: «Я вам товарищ и даже друг, и брат».

Оное заведение на этом месте и поныне, как сноп в овине, мимо не пройти. Сразу навстречь дороги и приветствует своей внушительно-наддверной надписью: «Почта России», легка на помине. Пониже — что люди, то и мы — современное новшество: в замысловато-серой окантовке над резным окошком вклеено слово «киберпочта», и в то оконце лезет белая кошка — так настырно заливаает, палит оттуда белым светом от невесть какого невидимого глазу источника. В придачу еще в такой па-

людей жарыни сразу не разглядеть и саму площадь с торговыми рядами, отныне выставленными городом для всеобщей продажи. Похожее даже у сие бы не привиделось этому же Егору Прокудину, после освобождения приодевшемуся в сих торговых местах и пожелавшему отсюда в поисках долгожданного покоя «шаркнуть по душе».

Тем часом мы уже остановились дыхание перевести у самого почтового крыльечка возле очередной скамейки, изготовленной умельцами так, что будьте-нате было взглянуть, а не то что отдохнуть. Оставалось еще добраться до центральной площади, что с торговыми рядами, а дальше быть и больнице, куда мы правили черепашым ходом: моя спутница и с поддержкой еле-еле ноги передвигала. Тамошним врачевателям хоть день-деньской звони-завонись, во все колокола трезвонь — ни ответа, ни привета, как поголовно вымерли: пришлось самим, худо-бедно, пешим порядком и тащиться до места.

А из-за открытой почтовой двери, откуда веяло распахнуто-желтым зноем — как сами жданки и ждали, — возьми да как мигни тот достопамятный эпизод из кинокартины, что снимался в переговорном пункте почты. Только что хлебнувший воли вольной человек в красной рубахе и кожаной куртке по настенному, заметных размеров аппарату и говорит своим слегка задиристым, но уже домашним, не зоновским голосом: «Але, здрасте». След еще толком не остыл от тех прокудинских казенных кирзачей, в коих уже свободным он вышагал, верно, по неоглядным — ни конца ни края не видно — тюремным мосткам вологодского «пятака», чтоб затем из этого переговорного столь доверительно кому-то своему и напомнить в телефонную трубку: «Это я — Горе».

Так с годами все тут по-старому и оставили, как до нас расставили. Несдвигаемо занимал обычное место у входа тот же эллипсоидно-объемный стол, обретшийся напротив высокого, лакированно-отсвечивающего ящика с почтовыми номерами «до востребования». Дополняла вид еще пара переговорных кабинок с расхлябанными дверками и — особенно запоминаемо — именно соседний, шукшинско-прокудинский настенный телефон с эбонитовой трубкой на стальном пружинном проводе.

Как на ладошке и видится тот, кто сейчас же вместо нас — знать не знаю, а дело мое — одним духом, не теряя времени даром, и заказал разговор по коммутатору — одуматься не успеешь. Не снова ли здорово кто-то и подшепнул нам опять без спроса сунуться не в свое дело, горе ты луковое? А по-другому и не узнать было бы решение самого хозяина, без чьего изволения даже волос не упадет с головы состоящего на службе младшего по положению лица.

Но когда воспринявшему слухом и коснулось уха приглашение к тому самому настенному телефону — даже у почтового крыльца селекторным голосом разнеслось, — кто бы диву не подивился? Увесисто-громоздкая телефонная трубка не только сохранила свой цвет с прошлых лет, хотя эбонит на ярком свету и приобретает некий зеленоватый оттенок, но, вызвавшая огонь на себя, даже ощутила толчок какой-то силы, схожей с внезапным приливом крови, когда рука крепко-накрепко сжала ее.

«Глянь, сколько хороших людей кругом, — с закадрово-шукшинской интонацией враз и толкнуло изнутри, моментальным живительно-волшебным кровотоком и принеслось из концовки легендарной картины. — Надо жить, — неведомо из какой дали далекой, а может, просто из самой души напоминаемо передавал оттуда родной голос. — Надо бы только умно жить...»

«Эк, куда хватил, — тотчас в действительности уже внушительно и отозвалось в трубке с ответной стороны не внявшим просьбы начальником, что в одноразку, не дослушав, с места в карьер и вправил мозги подчиненному, только держись. — Каким еще родственникам надо кого-то отдавать — нагнал сорок бочек арестантов! Или приказы министра уже не указ: даже власть, как дед репку, садят, а у нас в одну минуту сам сизым голубем за решетку загремишь! — Даром давали мне пару с лагерного боку на всю припеку. — Как раз из изолятора дружок убиенного Ворон по концу срока освобождается — туда и отправим до этапа, чтоб на всю жизнь полные штаны радости были!» — С того места, где было лихо да стало тихо, что-то еще последом буркнуло по-тарабарски, и связь после щелчка, как приснилась, все пропала без вести.

А если так сказано — все равно, как по нам смазано: что правда, то правда, с сумой да тюрьмой никогда не бранись, сам попадешь. У кого своя рука владыка, не раздумывая, еще и на кудыкину гору зашлет, куда Макар телят не гонял. Туда, где этот урок — реальный срок — начинается, как говорят, с «мягкого знака»: лет пять или шесть и тому подобная шерсть. Запоешь тогда, пропащая душа, не своим голосом. Этого только мы и ждали? Свято место пусто не бывает: если и дальше лезть поперек батьки в пекло, то тогда, без сомнения, всем нерадостным на чужое горе вскоре найдется уголок в казенном доме, чтобы самолично лицезреть родное небо в клеточку.

После этого, пусть себе руганному да пока недопуганному, и осталось лишь от самого крыльца не взглядывать с лица, чтоб не встретиться поглядкой с понимавшей все на свете матерью отошедшего в мир иной бедолаги. Но чтобы там ни было, какие еще силы и дохнул в жилы один лишь услышанный селекторный вызов в остывающую душу: так и подошла бы она к давшему надежду поближе да поклонилась пониже! Там еще было время, но в сей же час наступила и пора. Не сговариваясь, мы опять вместе с ней молчком и двинулись далее к площади с торговыми рядами.

Со стороны глянуть — не увянуть: ступить люди ступили на ровно облитую небесным молоком тропку, да как в воду и канули, настолько от почтового угла все палило — настырно заливало белым пламенем от какого-то невидимого источника. А появились вскоре на лобном месте — на самой площади, где, собственно, под замершим в мареве жидким, солнечно-расплавленным кругом завершался и наш пройденный от катерной стоянки незримо-избавительный круг, безвозвратно исчезал там, где еще не уготовано нам. Потому как за ним чьи-то кости уже навсегда лягут на погосте, а при этом нашенские, что своего ходу, дальше без лишних слов из ворот да в воду — только след простынет.

VI

Но кто знает, где найдешь, а где потеряешь... Вдруг ни с того ни с сего как дерни таким сквозным ветерочком, что сразу знобко и стало, когда все похолодало. И тотчас, ахнуть не успеешь, — темным-темно, как черно кругом сделалось: куда день, туда и ночь. Даже помогающему нам, как ни крути, вездесущему шукшинскому герою, так и не обретшему желанного умиротворения, а оттого посулившему из своего киношного мира опрокинуть «этот город во мрак и ужас, в тартарары», возможно, и довелось бы у нас в яви временно лишиться дара речи при виде случившегося.

Поскольку в нашем подлинном бытии, как перед самым светопреобразованием, разом и стало глазу ни зги не видно — такой мрак навалился, что ничего нельзя было различить, тьма крошечная. Этого только и не доставало, а нас уже из огня да в полымя ни за что ни про что кинуло — что ни дальше, то хуже некуда. Так как в тот миг вбыль и привиделось, будто я на какое-то время очутился в ином измерении, где чьи-то необъяснимые усилия на несколько летучих секунд и заставили поверить в происходящее, точно в правду, кажись, навсегда накрывши безвозвратным мороком — от горизонта до горизонта — всю нашу тишь да гладь да божию благодать: по небу широко, по земле далеко. Не так ли, надо думать, и бывает, когда вдруг неизвестно зачем всей своей былью да небылью так запросто нас перетянет, что кто-то уже и сам не знает: был он — не был, жил — не жил; знать, как пропал?..

Тем временем, чтоб кому ни попадя не было охоты лишней раз время зря терять — без толку рот разевать, — незамедлительно и дунуло со спины обычным мирским ветерком, поверху пронеслось. Тогда перед нами вновь вполне ощутимо, хоть иголки собирай, и возникла эта же площадь, за которой на виду всего грешного мира — кому неведомо неизменное место городского отдохновения? — как вышним напоминаем о наших вечных душах судьбоносно пошумливало в кронах вековой сосны, исстари вознесшейся на травяном откосе, всегда остро пахнущем рыбной свежестью озерной воды.

А нас опять-таки в очередной раз за виски да в тиски — отныне уже в самом деле: что и говорить — как миленький, на все сто попался в перекрестную. Чтоб ее нелегкая, с самой верхушки да на всю катушку: как хлынула еще небесная вода, что тебе беда, — что она позабыла тут?.. Но только со всего свету в нашу сторону таким водопадным столбом рухнуло, что и сам царь воды не уймет, даже небо с овчинку стало. Хлестало с высокой вышины без продыха так, что перед глазами видны лишь были кипящие литые струи, крутящиеся витыми водными веревками, да еще рыкнул и вол на семь сел — грозную тучу по пути от края до края перебросило. А где много воды — разве долго ли до беды?..

Вскинул я набыстро свой мундир над нами с матерью — в этом хоть быть по-нашему, забор крашеный; а если затеяно, так надо кончить дело. И тогда мы под этим одеянием — не столь велико закрылись, зато дороге открылись, — шаг за шагом, рядком да ладком, а где и спокользя, добрались-таки до военкоматского здания, за которым, в низине, что в одном ряду с горестным помещением анатомички, в конце всего явилась и сама больница на все лица.

Там своим обличьем к нам и предстали взору под больничным навесом все, кому следует быть, поскольку уже время пришло и всех в нужном месте нашло, вместе собрало. Видать, у нашего медика с двоими из «ларца» были пути иные, раз вышли напрямую, а у смуглокожего машинного работодателя, прогретого совсем не северными лучами, работа кипела до самого пота. Бегал, выжидаячи, взад-вперед возле своего железного коня с откинутыми бортами, потому что в открытых подвальных покоех у анатомической немолоденькой начальницы уже была на виду готовой кожевниковская домовина.

А тут еще, на секундочку — вроде как ух ты, вышли мы из бухты, — с обратного края крыльца, потусторонне поблескивая расплывчато-красными бортовыми полосами, притаилась «скорая помощь», разом не узренная под этим не прекращающимся, ни с чем несравнимым водоизверже-

нием. Подобные специализированные автомобили никоим образом не могли относиться к городским больницам, лишь единично появившиеся в областном центре и предназначенные для станций «скорой помощи». Возле нее, несмотря ни на что, бдительно дежурили двое молодых людей в белых халатах — похоже, проглядевшие все глаза, потому как при виде нас они одновременно оба преклонили свои головы. Вот в этакой-то напасти как было едва не пропасти моей спутнице, не поддержи ее со мной, и так уж обеспамятевшую, подскочившие к нам сопровождающие. Но во времена и лета нынешнего света может ли случиться: есть ли хоть какой-то заступник и для нас, когда такое горе горькое у нас?..

«Возьмите сына, — вдруг сказал кто-то нам громким и странным, сроду не слыханным голосом. И еще раз для нас раздалось рядом то же самое, не от мира сего звучание. — Возьмите сына!» Я-то как очнулся, точно бы проснулся, — а это, вишь ты, кто-то утробисто так внутри меня сам по себе говорит, словом жарким горит, и не по нашему хотенью, а по чьему-то изволению. Что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать, неужели такое бывает?..

И как после дышать, если слово еще не держать, потому что оно опять у нас прошло, как огнем прижгло: «Возьмите своего сына!» — Только это уже аз от самого себя добавил, в свое слово вплавил. Или уже мы сами не с усами и, что бы с ходу ни пришло, сразу лапки кверху? И без подсказки сахар сладкий: не угадаешь, где упадешь, где встанешь, но разве сей день не без завтра? Так не так, а уж этак и будет, кого ждем? И что с того, что плеть обуха не перешибает, зато свой должок не положим обратно в мешок, а после можно будет хоть как-то и на всех исподлобья не взглядывать — худо, что ли?..

Родясь, такое и знать не знавал, умру — не узнаю. Да и белому свету опять же не завтра еще будешь рад, как вспомнится внове кожевниковской матери взгляд, когда она выпрямилась, неверяще приходя в себя от услышанного, и потом лишь молча, с широко раскрытыми глазами сама дошагнула, как на распорках, до «скорой», ухватившись обеими руками за раскрытые дверцы.

А осмотрительно взятые ее молчаливые помощники с какой-то привычной быстротой деловито погрузили в открытую машину деревянную домовину, ходом задвинули. И родимая матушка, напоследок еще оглядясь вокруг себя, одна лишь вздохнула; но слышал бы тот, по ком этот был вздох, — тот бы в щепку иссох! Она даже своими силами, в одиночку, поднялась к последней усыпальнице сына и, такой же человек божий, обшитый кожей, уже без удержу ткнулась в родное лицо: «Давно не виделись? — Да как расстались».

А «скорая помощь», подобно обманчивому туману, скоро и растворилась в неумолкающем водном благоденствии как ее вовсе не бывало — лишь остальные еще некоторое время пребывали в молчании, схожем с утренним моих сырых подопечных, над которыми тогда после случившегося в могильной тишине тихий ангел пролетел, напомнив, что на сем свете мы только в гостях гостим.

VII

Может быть, после кто-то из наших катерных обратный путь и вспомнит как-нибудь, хотя, как водится, он и прошел своим чередом, без какой-либо истории с географией. К тому же, кто вымочил, тот уже и высушил: пришла в себя выбившаяся из сил погода для народа, день под грейкой

теплыми был промывает как новенькие стекла. Тотныне на носу у матчи с высоко вздернутым трехцветным стягом всю дорогу безмолвно пребывал прапор Пушистый, и его извечно жаркую думалку с легким одуванчиком остатков пушисто-волосяного оснащения бодро обдувал пропахший травой — сквозь пальцы пропускать можно — шелковисто-упругий ветерок. Зато в капитанской рубке за компанию с Гришей-Полпотычем блаженствовал безмятежный солнцедуй Боря-Тошнотик, а веселая летняя закуска с их бутылочкой по затылочку на газетной скатерке-самобранке перед самым носом даже способствовала невозмутимому капитану править судно по непервости знакомому, неукоснительно выверенному курсу.

Только другим такое дело близко не приспело: в свое время успешно прошедшие огонь, воду и медные трубы «института имени Воровского по разряду факультета карманной тяги», «двое из ларца» благоденствовали в уютном кормовом трюме, где они в тишине и покое дрыхли без задних ног, предавшись излюбленному занятию клиентов исправительной системы.

А по мне — лучше было и не придумать места, чем снова под капитанской рубкой за дверцей того самого носового отсека, где лежанка была, что по заказу делана. Но каково в одиночку быть тому, у кого что ни день — как опять его тень в издавней, в тысячи листьев и солнц, послеполуденной весне, где еще и не знал, куда это нас хлестнет? В местах той самой незабвенной весны-красны, где во все времена в эту пору не дают спать бессмертные соловьи, а после дождя видны сразу по две радуги, — и где до поздней осени без усталости стрекочут неугомонные весельчаки кузнечики, и где в любом лихе все равно бывает всегда спокойно и тихо.

Только от домашнего порога далее ждала лишь новая дорога, потому что впереди все было на свете к лучшему. Однако беда сама приспела, наперед не сказалась. Даже не вздумать, как тот день и пришел, в котором та самая единственная, с которой друг другу мы в глаза посмотрели впервые — и как будто время остановилось, — вдруг взяла да умчалась куда-то в иные края: навсегда ее след простыл в том городе, где еще со школьной поры было все нам дорого. А коль уже истаяли те истые неотмирные сроки, когда душа сама по себе мерзлой ломкой веткой слагала свои горячие слова на первом лунно-сияющем хрупком снеге, — вспоминать-то веки вечные на что?..

И не надо еще при всем этом нашим молодцам быть бледными с лица, когда в вечерней тиши «Курдюг» — как-никак, возвернувшийся к родному причалу, — и уперся в дебаркадер, соседствующий с местом моего обитания. Хотя и встречал-то нас на вечернем причале собственной персоной сам грозный хозяин зоны Любопытнов, по-всегдашнему аккуратно застегнутый на все мундирные пуговицы с тремя большими полковничьими звездочками на погонах. Трудно было избавиться от впечатления, что начальник колонии всегда видел все окружающее как-то не глядя. Входя куда-нибудь, он уже знал, что делалось по другую сторону, — порядок дела не портит! — а твердостью и определенностью при решении служебных вопросов завоевал расположение и мало кому верящих подшефных за колючей проволокой.

Знать, наша молва опять поперед нас дошла, потому как только все было доложено, у начальствующего лица не то чтоб на этом месте сделались круглые глаза, но, даже неизменно верный слову, он отчего-то и не возжелал повинных «за Можай» гнать — «киркой махать», лишь только бросив: «Идите отдыхать». Да и желающих брать под белы руки да от-

правлять на муки мученические нарушившего министерский указ — выше высокого приказа — в этот вечер не нашлось, никому праздником не стало. Кому охота доносить, когда и самому-то, может, после головы не сносить?..

Другой день тоже не навел тень на плетень: с утра пораньше на лагерной вахте дежурного в том самом зарешеченном домике, что неизменно производит на всякого сюда входящего удручающее впечатление, по-обычному, старое было по-старому, а вновь ничего, не считая доклада конвойного гарнизона хозяину зоны. Всем дежурным нарядом и готовились: одних заявлений да рапортов с протоколами у суточной смены конца-краю не было и нет, только знай отписывайся.

В то самое время и наша дорога от порога была в эту сторону, — мир вам, и я к вам! — но мне и шага шагнуть к своему отряду не дали, сразу от самых ворот поворот, из дежурки на пару слов всем миром приглашают. Вместе с бессменным дежурным Колей Ревой еще двое прапоров-орлов наготове стоят: рот до ушей, хоть завязочки пришей, да один другого здоровей, под горячую руку не попадайся. Кому неизвестно: где начальству чуть что не по нраву, этих орлов сейчас же туда и совали на расправу, спасайся кто может. Чтоб тебе ни дна, ни покрышки: неужто и впрямь разбудили мы лихо, пока оно было тихо?..

А меж тем — от века до века само спокойствие — исполинского вида Рева, обстоятельно достав из своего ржаво-облезшего сейфа конверт с победной, празднично-весенней маркой — откуда только и взялся, таких даже днем с огнем не сыскать, — и встал передо мной, можно сказать, как лист перед травой.

— Самого «законника» Ворона по концу срока освободили, — веско изрек дежурный и, внимательно оглядевшись вокруг, после, как эстафету, из рук в руки и передал мне, что припечатал, конверт явно еще прошлых лет. — По утринке на волю и отбыл, а это от него лично тому, кто в нашем доме! — И на замызганном, сомнительной чистоты столе оказался для меня тетрадный в клеточку листок, где в клетках строк было два лишь слова: «Работай, брат».

